

М. Г. Меерович
**СОВЕТСКИЙ ГОРОД В ДИСКУССИИ 1929–1930 гг.:
УРБАНИЗАЦИЯ ИЛИ ДЕЗУРБАНИЗАЦИЯ**

УДК 721 “1929/1930”

ББК 63.3(2)614+85.118

В статье разъясняются причины, по которым возникла, широко развернулась, а потом была внезапно закрыта постановлением ЦК ВКП(б) дискуссия о социалистическом городе и соцрасселении. Доказывается, что предложения архитекторов-урбанистов и архитекторов-дезурбанистов были очень близки в отношении базовых положений доктрины соцрасселения, а расходились лишь в вопросах выбора конкретной модели. Профессиональные представления о дезурбанизации, с точки зрения градостроителей, и «равномерное распределение населения по территории страны», с позиций организационно-управленческой стратегии власти, оказывались совершенно разными явлениями, так же как и призывы урбанистов к «созданию коллективов по обобществлению обслуживания бытовых нужд», с одной стороны, и стратегическая ориентация власти на формирование «трудо-бытовых» коллективов с целью взаимного побуждения его членов к ответственному труду на производстве — с другой. Представления архитекторов и органов государственной власти различались кардинально — в одни и те же слова они вкладывали разный смысл. Показывается, что публичная дискуссия о соцрасселении была запрещена потому, что оказалась деструктивной в отношении к уже принятым партийно-государственным решениям и поэтому вредной для реализации той расселенческой и архитектурно-градостроительной политики, которая в этот период уже последовательно и неуклонно осуществлялась в контексте программы формирования военно-промышленного комплекса — программы индустриализации. Дискутировать было уже не о чем — следовало исполнять спускаемые сверху постановления, инструкции, приказы и распоряжения.

Ключевые слова: *соцгород, соцрасселение, урбанисты, дезурбанисты, индустриализация, градостроительная политика*

До сих пор в отечественном архитектуроведении отсутствует ответ на вопрос, почему возникла дискуссия о соцрасселении, совершенно внезапно развернувшаяся в конце 1929 г. и даже, казалось бы, поддержанная властью, и почему она была принудительно закрыта в мае 1930 г. Неизвестны причины негативного отношения высшего руководства страны к урбанистическим и дезурбанистическим стратегиям, мотивы очень выборочного осуждения «зачинщиков» дискуссии, содержательные основания принятого ЦК ВКП(б) решения о запрете дискуссии, а также дальнейшие судьбы ее главных идеологов.

Концептуально-теоретические представления о том, какими в Советском Союзе должны быть поселения нового типа, так называемые «социалистические города», целенаправленно противопоставляемые советской идеологией городам «капиталистическим», сформиро-

вались далеко не сразу. Они постепенно складывались на протяжении фактически всех 1920-х гг. как производные от постулатов промышленного районирования, выработанных еще в проекте ГОЭЛРО, а затем — в рамках программы формирования военно-промышленного комплекса (программы индустриализации), — в стенах ЦК ВКП(б), ЭКОСО, СТО, ВСНХ, ГУКХ НКВД, Госплана и других партийных, правительственных и ведомственных учреждений. Эти представления увязывались с принципами трансформации каркаса расселения и реформирования существовавшего административно-территориального членения, оформлялись законодательно и нормативно, превращались в регулятивы текущей архитектурно-градостроительной политики. Однако тот факт, что они оказались производными от решения военно-индустриальных, административно-территориальных, экономикогеографических, промышленных, транспортных, организационно-управленческих, миграционных и прочих задач, до сих пор остается не зафиксированным в научной литературе.

Меерович Марк Григорьевич — д.и.н., профессор кафедры архитектурного проектирования, Иркутский национальный исследовательский технический университет (г. Иркутск)
E-mail: temark@inbox.ru

Необычность кратковременного периода, с конца 1929 г. по середину 1930 г., состояла в том, что проблематика соцгородов внезапно стала предметом широкой публичной дискуссии. Начиналось все буднично: 26 октября 1929 г. в стенах Госплана — главного разработчика плана первой пятилетки — прошло рабочее совещание, на котором обсуждалось содержание книг и статей Л. Сабсовича, сформулировавшего базовые положения ускоренного варианта плана индустриализации, который разрабатывался в ВСНХ.¹ Тема привлекала внимание руководства Коммунистической академии ЦК ВКП(б), которая незамедлительно подключилась к обсуждению предложений Сабсовича, в результате чего дискуссия стала массовой, а благодаря публикациям в центральной печати — воистину всесоюзной.

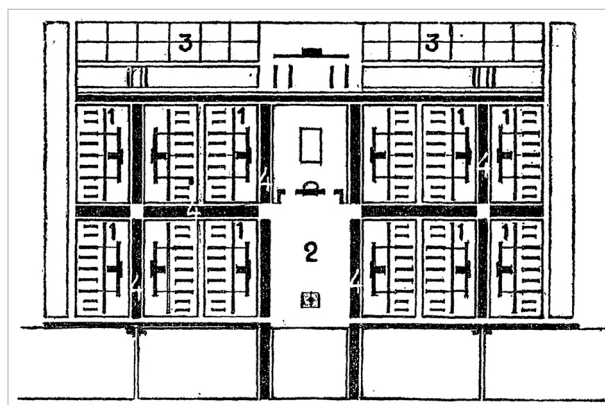
Во многом интерес к данной тематике был подогрет тем, что до того времени принципы хозяйственно-экономического районирования, расчета объемов перераспределения рабочей силы, нормативов архитектурно-градостроительной и расселенческой политики, объединенные общим названием «концепция социалистического расселения», оставались лишь концептуальными положениями. А с началом индустриализации во второй половине 1929 г. они должны были превратиться в конкретные планировки заводов и поселений. Необходимо было чертить конкретные генпланы, а четких общегосударственных предписаний по поводу того, как это делать, не было: отсутствовали единые для всей системы проектного дела в стране правила проектирования соцгородов, а без них вертикаль управления не могла руководить проектно-строительными процессами. В этом контексте и проходило заседание, собранное по инициативе руководства Комакадемии 31 октября 1929 г. Оно было посвящено обсуждению доклада М. Охитовича — главного оппонента Сабсовича (сам же доклад был сделан Охитовичем здесь же, в Кооперативной секции Комакадемии, 1 октября, т. е. за месяц до заседания²). Охитович сотрудничал с Объединением современных архитекторов (ОСА) и поэтому свою «антисабсовичевскую» позицию зафиксировал прежде всего на стра-

ницах журнала «Современная архитектура», издававшегося ОСА.³

Заседания в стенах Комакадемии — главного общественно-идеологического центра страны — и побудили архитекторов, ученых, общественных деятелей, представителей плановых и советских руководящих органов к тому, чтобы начать обсуждать, вырабатывать и увязывать воедино постулаты: а) планировки соцгородов, б) проектирования жилищ в них, в) состава и расположения зданий продуктового и вещевого снабжения и бытового обслуживания, г) формирования всей системы расселения по территории страны.

Следующее заседание, посвященное дискуссии о соцрасселении, также проходило в Комакадемии 6 ноября;⁴ два заседания были проведены в Госплане СССР (26 и 29 ноября),⁵ а затем еще два — снова в Комакадемии (20 и 21 мая 1930 г.).⁶ В дискуссии участвовали известные государственные и общественные деятели, ученые и архитекторы. Так, одно лишь заседание в мае 1930 г. собрало более 1000 участников.⁷

Дискуссия о социалистическом расселении публично поставила вопрос о том, каким



Концептуальная схема планировки соцгорода (на 31 200 чел.), состоящего из 12 домов-коммун по 2 600 чел. (проектные предложения по Сталинградстрою). Арх. А. и Л. Веснины, не позднее 1930 г.

Условные обозначения: 1. жилые комбинаты (дома-коммуны); 2. центральный парк, в котором расположены все общественные учреждения; 3. школьные учреждения (школьные городки с круглосуточным пребыванием детей); 4. магистрали

Источник: Сабсович Л. М. Социалистические города. М., 1930. С. 94, 95

¹ См.: Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки. М., 1980. С. 105.

² См.: Охитович М. Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья // Вестн. ком. акад. 1929. Кн. 35/36. С. 334–338.

³ См.: Охитович М. К проблеме города // Современная архитектура. 1929. № 4. С. 130–134.

⁴ См.: Гинзбург М. Социалистическая реконструкция существующих городов // Революция и культура. 1930. № 1. С. 50–53.

⁵ См.: Хазанова В. Э. Указ. соч. С. 105.

⁶ См.: Милютин Н. К проблеме соцгорода // Вестн. Ком. акад. 1930. № 42. С. 109.

⁷ Там же.

должно быть управление расселением в советском государстве — в совершенно иных, нежели в царской России, условиях: а) единого народнохозяйственного планирования; б) централизованного распределения финансовых, материальных и трудовых ресурсов; в) новых принципов размещения, возведения и функционирования поселений; г) искусственных форм организации внутригородской жизни и деятельности; д) централизованного создания инфраструктуры и «распределительного» характера системы обслуживания; е) специфической жилищной политики и т. д.⁸

Участники дискуссии стремились найти ответы на вопросы о том, как следует формировать среду обитания, чтобы обеспечить социально-политическое управление и строгое регулирование численности городского населения; каким образом за счет градостроительных структур можно было бы наиболее эффективно внедрять извне нормы социального поведения, межличностного общения, коллективного быта, трудового взаимодействия, а также контролировать их усвоение и повседневное исполнение населением.

Градостроительству в планах первой пятилетки придавалась далеко не определяющая роль. Оно рассматривалось лишь как одно из многих средств реализации планов строительства объектов ВПК, причем, не ведущее, но обязательное, потому что начинать промышленную стройку было абсолютно невозможно без возведения поселений для рабочих, технических специалистов, начальников различного рода и членов их семей. В рамках реализации общегосударственной программы индустриализации градостроительному и архитектурному проектированию отводилась обслуживающая, подчиненная роль, но незаменимая и поэтому важная.

Постулатом, практически не оспариваемым в ходе дискуссии, являлось то, что «новые поселения» призваны прийти на смену старым городам и, воплощая новые формы организации производства, быта, общественного обслуживания, досуга, воспитания детей, профессиональной подготовки подрастающего поколения и пр., должны оказаться совершенно иного вида — соцгородами «общественного жилья», «общего питания»,

«общественного воспитания».⁹ При этом, для участников дискуссии было очевидным, что несоизмеримо сложнее реформировать старые города под новые формы жизни, нежели изначально строить поселения в соответствии с новыми концептуальными постулатами. Поэтому в ходе дискуссии основное внимание обращалось на принципы проектирования новых поселений. В отношении же старых городов практически всеми участниками дискуссии фиксировалось, что они должны быть реконструированы «...под углом зрения возможного их переустройства на социалистических началах» и разукрупнены, т. е. часть их промышленности и часть их населения должны быть перемещены на новые места.¹⁰ Эта позиция полностью соответствовала установкам Госплана, зафиксированным в программном документе «Перспективы развертывания народного хозяйства на 1926/27–1930/31 гг.», на исправление происходившего до сих пор стихийно скопления населения «в немногих, наиболее перегруженных и перенаселенных городах-левиафанах».¹¹ Плановый подход требовал бороться с дальнейшим «гипертрофическим ростом немногих центров, осуществлять их децентрализацию и возможно равномерное распределение новых промышленных поселений по всей стране».¹²

В полном соответствии с постулатами о разукрупнении и децентрализации Л. Сабсович предлагал размещать новые промышленные предприятия равномерно по территории страны, формируя тем самым «...новые центры поселения, объединявшие сельскохозяйственное население, работавшее в нескольких смежных крупных сельскохозяйственных предприятиях».¹³ Тезис Л. Сабсовича о равномерности расселения и «распределения социалистического жилища» разделял и его основной оппонент М. Охитович,¹⁴ считавший, что «равномерность территориального размещения людей обеспечивает равномерность распределения культуры, равномерность устройства автодорожной сети и т. п.».¹⁵

⁹ См.: Сабсович Л. М. Города будущего и организация социалистического быта. М., 1929. С. 22.

¹⁰ См.: Сабсович Л. М. Новые пути в строительстве городов // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 3.

¹¹ Цит. по: Колычев А. Город прошлого и будущего // Советское строительство. 1928. № 10 (27). С. 38.

¹² Колычев А. Указ. соч. С. 38.

¹³ Сабсович Л. М. Новые пути. С. 3.

¹⁴ См.: Охитович М. К проблеме города. С. 130–134.

¹⁵ Охитович М. Социалистический способ расселения. С. 335, 337.

⁸ См.: Подробнее об этом см.: Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008.

Согласны с этим были и многие другие участники дискуссии, в частности А. Зеленко, Г. Пузис, Ц. Рысс, П. Кожаный, Н. Милютин и др., также рассматривавшие новую систему расселения в неразрывной связи с равномерным размещением новых производств.¹⁶

Однако если все участники дискуссии высказывались за то, что промышленность и обслуживающее ее население должны быть равномерно перераспределены по территории страны, то тезис о равномерном размещении индивидуального жилища (предназначенного для автономного, а не для коллективного проживания людей) встречал резкую критику, поскольку противоречил основополагающим принципам марксистской теории, рассматривавшей коллективную организацию пролетариата как базовый принцип управленческой стратегии партии.

При широком разбросе мнений об аграрном типе городов преобладало все же отрицательное отношение к нему. Оно было предопределено общей концептуально-идеологической установкой на индустриальное развитие страны. Ее четко зафиксировал Н. Милютин, открывший своим докладом заключительный (20–21 мая 1930 г.) диспут о планировке социалистических городов. Он заявил, что новое градостроительство и жилищное строительство — это прежде всего «следствие» промышленного строительства и что осуществляться оно будет в полном соответствии с планом индустриализации.¹⁷ Этим же было определено и отрицательное отношение к дезурбанистическим тезисам Охитовича о признании индивидуальных отдельно стоящих жилых домов основным типом жилища при новом расселении. Даже несмотря на то что индивидуальное жилище предлагалось Охитовичем как «бессемейное» и «лишенное домашнего хозяйства», многие участники дискуссии, в том числе Ц. Рысс, В. Белоусов, Ложечкина и др., критиковали его за этот призыв, противоречивший генеральным установкам на индустриальное развитие страны.¹⁸

Архитекторы — участники дискуссии стремились ответить на вопросы о том, каким должен быть «социалистический город» в про-

странственно-планировочном отношении: как он должен быть территориально структурирован? на какие составные части расчленен? по какому принципу должны соотноситься друг с другом различные его планировочные элементы? какую «пространственно-композиционную» роль призвана играть промышленность? какие типы нового, социалистического жилища должны в нем строиться? какие особые, «социалистические» формы проведения свободного времени должны создаваться? какой должна быть обслуживающая инфраструктура, способная обеспечивать распределительное снабжение населения продуктами, вещами и услугами? и т. п. Иными словами, каким должен быть подход к кардинальной перестройке процессов возникновения, роста и развития городов, к управлению процессами, протекавшими в них в целом, и как должны планироваться, рассчитываться и проектироваться конкретные соцгорода.

В дискуссии о соцрасселении остро столкнулись две точки зрения на то, как следует размещать «новое» население — концентрированно в новых городах или рассредоточенно, в индивидуальных «кабинах для сна», разбросанных по территории страны вдоль транспортных коммуникаций. Но при этом вопросы о том, откуда возьмется это новое население, для чего его нужно расселять по территории страны, почему оно должно захотеть перемещаться туда, куда ему прикажут, и другие проблемы никем из представителей этих точек зрения не обсуждались. Предложения урбанистов и дезурбанистов не касались основополагающих принципов государственной политики расселения, не критиковали ее и никак ее не оспаривали. Они лишь обосновывали те или иные варианты ее конкретного архитектурного и градостроительного воплощения.

Ни урбанисты, ни дезурбанисты не видели никакой альтернативы политике соцрасселения, осуществлявшейся властью. Ни те ни другие не возражали против скорейшего возведения в зонах территориального освоения новых добывающих и перерабатывающих сырье предприятий, тепловых и электрических станций. Никто из них не сомневался в необходимости возведения вблизи новых заводов «селитебно обслуживающих» их соцгородов и соцпоселков с фиксированной численностью населения. Никто не оспаривал планы массового вовлечения в производительный труд женщин и подростков. А в некоторых основополагающих

¹⁶ Прения по докладу М. Охитовича «Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья» // Вестн. Ком. акад. 1930. № 42. С. 335, 336.

¹⁷ См.: К проблеме планировки соцгорода. Реферированная стенограмма // Вестн. Ком. акад. 1930. № 42. С. 110–111.

¹⁸ См.: Кожаный П. Прения по докладу М. Охитовича «Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья» // Вестн. Ком. акад. 1929. № 35/36. С. 338–344.



Соцгород Сталинск (Новокузнецк). Нижняя Колония, ул. Орджоникидзе. 1936.



Соцгород Магнитогорск. Барак. Интерьер

Источник: Меерович М. Г. Рождение соцгорода: градостроительная политика в СССР. 1926–1932 гг. (концепция социалистического расселения — формирование населенных мест нового типа). Иркутск, 2008. С. 145–146.

принципах, например в вопросах о равномерности распределения промышленности по территории страны и о вытекающей из этого равномерности расселения, все проявляли единодушие.¹⁹

Совпадали позиции участников дискуссии и в том, что водный, речной, автомобильный транспорт и те новые виды транспорта, которые обязательно должны появиться в недалеком будущем, обязаны «дотягиваться» до мест возведения новой промышленности. А еще лучше — создавать сеть (инфраструктуру), глобально покрывающую территорию страны, что обеспечило бы благоприятные условия доступности, коммуникации и транспортировки грузов. Сходились оппоненты также и во взглядах на то, что соцгород должен являться средой формирования «нового человека». Как аксиому принимали они и необходимость регламентации жизни. Их концептуальные представления о соцгородах основывались на идее «искусственно-технической» организации процессов функционирования будущих поселений. «Труд», «быт», «отдых» в поселениях нового типа должны были быть организуемы целенаправленно, на основе научных знаний и расчетов, так, чтобы сформировать новые виды межличностных отношений и исключить любые неконтролируемые процессы жизнедеятельности.

Этот же принцип лежал в основе установок на архитектурное упорядочение социума²⁰ таким образом, чтобы превратить его в рациональную (ускоренную, повторяемую, технологизируемую, экономичную, минимальную в отношении трудозатрат и пр.) организацию всех городских процессов. Согласно этой установке, любой населенный пункт представлялся в виде «одного большого сложного производства, где все процессы увязаны в рациональном графике материалов и людей».²¹ Именно в соответствии с этим Н. Милютин, основываясь на принципах господствовавшей в этот период поточно-конвейерной системы промышленного производства, предлагал свой «функционально-поточный» принцип организации жизнедеятельности («труда» и «жилища»). Этот принцип формально-композиционно воплощался в виде линейной пла-

нировки, которую Милютин идеологически и концептуально противопоставлял структуре старого (центрического) капиталистического города с его поквартальной «домовладельческой» застройкой.²²

Следует заметить, что сами участники дискуссии отдавали себе отчет в том, что позиции урбанистов и дезурбанистов различались по вопросам, которые не являлись принципиальными для общегосударственной расселенческо-градостроительной доктрины. Они указывали на то, что «совершенно неверно пытаться противопоставить урбанистов и дезурбанистов ...».²³ Об этом, в частности, говорил Н. Милютин, открывая последний диспут в Комакадемии: «...проблемы урбанизма или дезурбанизма не существует, как и не стоит проблемы строительства так называемых зеленых городов и городов-садов».²⁴

Позиции урбанистов и дезурбанистов совпадали в главном — в согласии с провозглашенными властью основополагающими принципами социалистического расселения. Это понимали и сами участники дискуссии. Так, в подготовленной в конце 1929 — начале 1930 г. редакционной статье журнала «Современная архитектура» члены редколлегии — урбанисты — открыто характеризовали совпадение своей позиции с позицией своих оппонентов: «Для нас, как и для дезурбанистов, не подлежит сомнению: 1) что способ общественного производства определяет формы общественного расселения и что, следовательно, новому социалистическому производству должно соответствовать в итоге новое социалистическое расселение; 2) что осуществление социализма означает уничтожение “кретинизма деревенской жизни” (К. Маркс) и “утонченностей” специфически городской, “столичной”, “асфальтовой культуры”, культуры скученных, лишенных природы людей, означает уничтожение противоположности между “городом” и “деревней”; 3) что осуществление социализма означает более или менее равномерное распределение высокой культуры по всей территории страны и что, следовательно, в процессе социалистического строительства желательно планомерно проводить постепенную децентрализацию элементов, сосредоточенных в “мировых городах” — децентрализацию

¹⁹ См.: Сабсович Л. М. СССР через 15 лет. Гипотеза генерального плана построения социализма в СССР. М., 1929; Охитович М. К проблеме города; Он же. Социалистический способ расселения.

²⁰ См.: Хазанова В. Э. Указ. соч. С. 75.

²¹ Милютин Н. К. Указ. соч. С. 119.

²² Там же. С. 112.

²³ Пузис Г. О новом способе расселения // Революция и культура. 1930. № 7. С. 52.

²⁴ Вестник Коммунистической Академии. 1930. № 42. С. 109–147.

промышленности, высшей школы, административно-управленческого и хозяйственного аппарата и т. д., подымая культуру “деревни” до уровня “столицы”; 4) что осуществление социализма ведет к максимальному развитию и творческому росту каждой отдельной личности в коллективе и, следовательно, проектируя жилища необходимо предусмотреть в них ... максимум пространственных возможностей для личного культурного досуга, остающегося после общественной жизни, для развернутых личных способностей и удовлетворения личных потребностей; 5) что предлагаемые некоторыми в проектах “домов-коммун” социалистических городов вместо полноценных жилищ “спальные кабины” площадью 5–7 м², резко ограничивающие возможности личного развития, являются вульгаризацией идеи социалистического строительства, грубо упрощенной схемой, казарменно-аракчеевским “социализмом”, не имеющим ничего общего с тенденциями развития и роста подлинно социалистической культуры»²⁵. Члены редколлегии также особо подчеркивали тот факт, что они, как и дезурбанисты, «разделяют общие предпосылки теории социалистического расселения».

После закрытия дискуссии и официального осуждения «правых» и «левых» фраз,²⁶ именно это содержание осталось неизменным и определявшим дальнейшее развитие советской архитектурно-градостроительной теории. И в последующие годы именно оно составило суть практики воплощения советской доктрины расселения и государственной градостроительной и жилищной политики. При этом власть, принимая за основу своей расселенческой и архитектурно-градостроительной политики то общее, что объединяло урбанистов и дезурбанистов, делала это совсем не из желания справедливо разрешить их спор или найти устраивавший все стороны компромисс. Какое бы решение ни было принято властью, она была уверена в том, что обязательно найдется способ принудить всех исполнять это решение вне зависимости от характера личных или групповых профессиональных воззрений. Предложения и урбанистов, и дезурбанистов были отвергнуты прежде всего потому, что, несмотря на совпадение используемой архи-

текторами терминологии с принятой в тот период политической риторикой партийно-государственных органов, смыслы, вкладывавшиеся в одни и те же слова, такие как «децентрализация», «равномерное распределение населения», «культурное обслуживание», «новые формы быта», «связь с промышленностью» и т. п., с одной стороны, разработчиками плана индустриализации, а с другой — проектировщиками-градостроителями, абсолютно не совпадали.

Практические действия советского руководства в области государственной жилищной и градостроительной политики основывались на положениях, содержащихся в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина, рассматривавших пролетариат как единственный класс, способный к кардинальным социальным преобразованиям. Численное увеличение этого класса являлось следствием роста промышленности,²⁷ поэтому ее развитие являлась ключевым фактором во всех государственных планах и программах, в том числе и в выработке постулатов расселенческой и архитектурно-градостроительной политики:

а) новая крупная промышленность должна была располагаться прежде всего на неосвоенных территориях, давая тем самым импульс развитию этих территорий и их «пролетарскому наполнению», а также иницируя формирование транспортной инфраструктуры;

б) административно-территориальное районирование, основанное на «диктате промышленности», являлось основой расселенческой политики, а новые поселения были своего рода «тарой для рабочей силы», необходимой на объектах промышленности, транспорта, энергетики и т. п.

в) промышленность и рабочие поселения призваны были «давать запрос» прилегавшим к ним зонам сельскохозяйственного производства в отношении обеспечения их конкретными объемами продуктов питания; в свою очередь, соцпоселки и соцгорода должны были гарантировать расчетное потребление этой продукции и встречное обеспечение прилегавших сельскохозяйственных территорий промышленной продукцией; формирование баланса промышленного и сельскохозяйственного производства идеологически трактовалось как «стирание различий между городом

²⁵ Цит. по: Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн.: Кн. 2: Социальные проблемы. М., 2001. С. 208.

²⁶ Постановление «О работе по перестройке быта» принято 16 мая, опубликовано 29 мая 1930 г.

²⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Избранные сочинения. М., 1985. Т. 3. С. 152–153.

и деревней» и становилось одной из базовых задач районной планировки;

г) отрываемое от земли в ходе коллективизации крестьянское население являлось материалом для формирования индустриального пролетариата; ему положено было перемещаться (как добровольно, так и принудительно) к местам возникновения новой промышленности, поскольку именно таким образом, по замыслу основоположников марксизма, должно было происходить «вырывание деревенского населения из идиотизма сельской жизни»;²⁸

д) жилище в рабочих поселениях при промышленности выступало «предметом распределения», а его дефицит был средством упорядочения миграций трудовых ресурсов в соцгорода-новостройки и удержания их в требуемом количестве в местах приложения труда.

В контексте этих принципов, «дезурбанизация», с точки зрения градостроителей, и «равномерное распределение населения по территории страны», с позиций организационно-управленческой стратегии власти, оказывались совершенно разными явлениями. Произносимые партийно-советским руководством слова о «децентрализации» и «равномерном распределении населения» абсолютно не совпадали с аналогичными понятиями градостроительной теории и, как следствие, с предложениями дезурбанистов о равномерном расселении трудящихся в разбросанных по территории страны индивидуальных домиках. С точки зрения политической доктрины социализма градостроительная дезурбанизация оказывалась совершенно неприемлемой, так как исключала один из основополагающих принципов марксистско-ленинской теории — предназначение городов как «аккумуляторов сконцентрированного пролетариата», как мест «пролетарской организованности». Именно поэтому в адрес дезурбанистов звучало: «Некоторые наши горе-теоретики социалистического города оказались полностью в плену капиталистического города, от которого они отталкивались по методу худосочных буржуазных реформаторов, рассуждая по весьма своеобразному “диалектическому” методу: это — зло, следовательно, противоположное будет добром».²⁹

Идея равномерного распределения населения по территории страны, доведенная до своего логического градостроительного воплощения в виде системы равномерно рассредоточенных стационарных индивидуальных жилищ или мобильных домов, свободно перемещаемых их владельцами по территории страны, была революционной по отношению ко всей предшествовавшей градостроительной теории и практике, но она не отвечала положениям марксистско-ленинской доктрины об «организующей и направляющей роли пролетариата», сконцентрированного в пролетарских центрах. Поэтому в ходе дискуссии предельно четко и однозначно было сформулировано требование: «Все разговоры о “дезурбанизации”, воспроизводящие настроения буржуазии, боящейся скопления пролетариата, толстовская ненависть к большим городам должны быть откинута».³⁰

Реализуя требование равномерного размещения промышленности по территории страны, власть не желала отказываться от концентрации производительных сил; наоборот, она стремилась к объединению пролетарских масс в «административно-политические ядра» — «опорные пункты диктатуры пролетариата», так как не была способна опираться на разобщенные пролетарские элементы и руководить рассредоточенными человеческими массами. Поэтому постулаты дезурбанистов о «рассеянии населения» она трактовала как призывы «к распылению организованных пролетарских кадров, обессиливающему их в настоящий момент в борьбе с мелкобуржуазным окружением».³¹

Кстати, «стирание различий между городом и деревней», к чему призывали идеологи партии, совсем не означало того «сельско-пролетарского» образа жизни, который предлагали некоторые архитекторы (с попеременной работой то на промышленном предприятии, то на колхозном поле); не предполагало оно и реализации проектов жилищ «сельско-пролетарского типа» (с придомовыми участками земли для домашнего животноводства и ведения личного подсобного хозяйства).

Но архитекторы всех этих различий смыслов, как правило, не понимали.

²⁸ Там же. С. 428.

²⁹ Светлов Ф., Горный С. Социалистический город в бесклассовом обществе // Плановое хозяйство. 1934. № 2. С. 158.

³⁰ Там же.

³¹ Мордвинов П. Строительство новых городов // Литература и искусство. 1930. № 1. С. 140.

Власть определилась в своей стратегии перемещения промышленности в осваиваемые сырьевые регионы — тем самым она сводила к минимуму транспортные издержки на перевозку сырья, колонизировала территории, формировала рассредоточенную, более неуязвимую структуру предприятий ВПК, отрывала от земли и «опролетаривала» значительные массы крестьянства. Она планировала создавать новые населенные пункты — соцгорода — таким образом, чтобы они были изначально лучше, нежели старые, приспособлены к задачам социального управления: а) содержали точно рассчитанное, искусственно пополняемое количество населения; б) включали предписанные типы жилищ (что позволяло планировать выделение ресурсов); в) основывались на конкретных планировочных структурах; г) включали конкретный набор объектов обслуживания; д) удерживали фиксированный социально-профессиональный состав населения и пр.

Существовавшие города к выполнению этих задач были абсолютно не приспособлены. Именно поэтому советская власть, в полном соответствии с призывами участников дискуссии (но совсем не потому, что прислушивалась к их рекомендациям), отказывалась опираться на существовавшие поселения в достижении своих планов и готова была разукрупнять старые города, рассредоточивать население и даже разрушать города, передавая их функции городам-новостройкам. Лишь неспособность справиться с дефицитом жилья не позволяла осуществить эту цель практически. Поэтому в рамках стратегии пространственного освоения территории страны, в ходе реализации плана индустриализации и обеспечивавшей его расселенческой программы советская власть отводила существовавшим городам временную роль своеобразных «перевалочных пунктов», предназначенных для приема «раскрестьяненного крестьянства», «опролетаривания» его за счет включения в трудобитовые коллективы промышленных предприятий, а затем направления в организованном виде в города-новостройки — новые центры хозяйственного развития индустриально осваиваемых территорий. Под эти цели и предполагалось кардинально реформировать существовавшие города. В полном соответствии с этой установкой Пленум ЦК ВКП(б) 15 июня 1931 г. по докладу Л. М. Кагановича фиксировал: «... вопрос о ... рекон-

струкции городского хозяйства является вопросом не только обслуживания живущих там сейчас трудящихся масс, но и вопросом размещения, передвижения и материально-культурного обслуживания новых сотен и миллионов рабочих».³²

Власть, провозглашая принципы равномерного распределения объектов индустрии по территории страны и создавая «законы» формирования поселений при них для размещения трудовых ресурсов, стремилась к концентрации пролетариата вокруг промышленных предприятий. Это должно было стать основой нового административного членения территории страны, при котором появляющиеся населенные пункты (социалистические города) становились «пролетарскими центрами», распространявшими свое влияние на непролетарское (сельскохозяйственное) население прилегающих местностей. Об этом в самом начале дискуссии говорил на ноябрьском (10–17 ноября 1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) А. И. Микоян, указывая на данный аспект размещения новых «промышленно-селитебных» объектов как на один из важнейших структурообразующих принципов районирования: «Если построить новый завод в крупном рабочем центре и прибавить 5 000 новых рабочих, это не даст серьезного увеличения политического веса данного рабочего центра, но дайте один такой завод Борисоглебску, Козлову или другому крестьянскому округу из 5 000 рабочих, и это будет иметь громадное значение. Это создаст прочную пролетарскую опору в гуще крестьянских масс, укрепит руководящее влияние пролетариата над крестьянством и облегчит задачу социалистического переустройства деревни. По моему предложению, в постановлении СНК по пятилетке, утвержденной Пленумом ЦК и съездом Советов,³³ имеется специальное указание на необходимость перераспределения промышленных предприятий с перенесением их части в ряд крестьянских районов...»³⁴

В определенной степени концепция расселения (как ее формулировала власть) со-

³² Из резолюции Пленума ЦК ВКП(б) 15 июня 1931 г. по докладу Л. М. Кагановича о городском хозяйстве (цит. по: Боровой А. А. Планировка городов Московской области. Работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925–1933 гг. М., 1933. С. 3).

³³ Имеется в виду ноябрьский (1928 г.) пленум ЦК ВКП(б) и V Всесоюзный съезд советов.

³⁴ Как ломали нэп: стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. М., 2000. Т. 5. С. 87.

ответствовала позиции урбанистов, которые рассматривали соцгорода-новостройки как элементы государственного управления населением в структуре централизованной власти. Каждое новое крупное промышленное предприятие — это фактически новый соцгород. Поэтому урбанисты предлагали размещать соцгорода там, где существовала или искусственно создавалась максимальная концентрация пролетариата. Кроме того, заветам основоположников марксизма-ленинизма были вполне созвучны призывы урбанистов к «созданию коллективов по обобществлению обслуживания бытовых нужд», прежде всего потому, что они учитывали традиционный характер бытового уклада крестьянского населения, превращаемого в пролетариат и реально способны были облегчить людям повседневные тяготы продуктового и жилищного кризисов. Однако «концентрация пролетариата в соцгородах — центрах новых ареалов промышленного освоения — и создание рабочих коммун», к чему призывали архитекторы-урбанисты, совсем не предусматривали, с точки зрения власти, того, что государство обязано брать на себя бытовое обеспечение рабочих и членов их семей, как предлагали архитекторы в своих проектах «обобществленного быта».

Предложения урбанистов кардинально противоречили той организационно-управленческой стратегии, которую высшее партийное руководство в этот период фактически уже выработало в отношении соцгородов-новостроек и существовавших городов. Прежде всего, в отношении предоставления коммунальных особов прав владения и распоряжения жилищем, потому что власть не могла позволить бытовым коммуналам располагать независимыми финансовыми возможностями и административными полномочиями. Противоречили они также и в отношении требования приоритетного снабжения коммун продуктами. Именно поэтому концептуально-проектные архитектурные разработки домов-коммун с полностью обобществленным бытом получили в конце концов резкую критику со стороны власти, и дома-коммуны перестали проектироваться и строиться. Предложения урбанистов оказались категорически отвергнутыми, так как они были чересчур тесно связаны с идеей обобществления быта. Причина в том, что широко освещавшиеся в прессе предложения архитекторов по внедрению новых «форм быта» грозили сформировать у населения бес-

почвенные надежды на то, что государство станет обеспечивать ему беспроblemное бытовое существование. Но власть совсем не стремилась к этому: она была заинтересована в том, чтобы поголовно заставить людей самоотверженно трудиться. И бытовые проблемы были ей на руку, так как, вверяя заводууправлениям и руководству советских учреждений заботу о своих сотрудниках, она передавала им механизмы воздействия на трудовые массы, среди которых (причем одним из наиболее мощных средств принуждения к труду) являлось предоставление крыши над головой. Вселяя в жилье, улучшая бытовые условия передовикам производства или ухудшая их в отношении лодырей и туеядцев, власть эффективно воздействовала на людей: за счет контроля над бытом она получала возможность управлять трудовым поведением.

Почти за год до публичной дискуссии о соцрасселении практически все основные положения концепции соцрасселения были не только интеллектуально проработаны, но и законодательно зафиксированы (в частности, в обобщающей Инструкции НКВД № 184³⁵). Там, «наверху», все уже было давно решено: сверстаны списки объектов ВПК; распределен бюджет на индустриальное строительство; определена потребность в трудовых ресурсах и намечены планы ее поставки на новостройки; выделены финансовые и материальные средства для возведения временного примитивного жилья для основной части населения и капитального (деревянного и каменного) — для руководства новостроек; сформулированы нормативные представления о распланировке соцпоселения; проектно разработана типология жилья. И вдруг выясняется, что где-то там, «внизу», в широких массах архитекторов, экономистов, транспортников, планировщиков, экономгеографов, партийных деятелей среднего звена, среди руководителей департаментов Госплана и ВСНХ, Коммунистической академии и НКПС, Наркомтруда и Наркомздрава, в рядах профсоюзной общественности, рабочих и служащих, причем с активным участием официальной прессы — государственных газет или же партийных журналов, книг

³⁵ Меерович М. Г. Градостроительное нормирование на перепуте (Инструкция НКВД № 184 от 28 мая 1928 г. — ключевой документ градостроительного проектирования соцгородов) // Градостроительное искусство: Новые материалы и исследования. Вып. 2. Памяти Андрея Владимировича Бунина. М., 2010. С. 371–378.

и брошюр — по всей стране распространяется совершенно иная «картина ближайшего будущего», формирующая неверные ожидания населения, опасные непредсказуемой реакцией в тот момент, когда станет очевидным, что они никогда не сбудутся.

Публичная дискуссия о соцрасселении, таким образом, оказалась не просто сильно запоздавшей и поэтому бесполезной, но и резко деструктивной в отношении к уже принятым партийно-государственным решениям и именно поэтому крайне вредной для реализации той политики, которая в этот период уже последовательно и неуклонно осуществлялась властью. Прежде всего дискуссия отвлекала архитекторов и планировщиков от решения

конкретных, текущих проектных задач, поставленных перед ними с началом индустриализации. Власти было нужно, чтобы архитекторы не спорили о том, какую стратегию градостроительного развития страны следует избрать, а безоговорочно воплощали ту, которую им предписывали. Дискутировать было уже не о чем. Нужно было исполнять спускаемые сверху постановления, инструкции, приказы и распоряжения. Именно поэтому высшее руководство страны решительно остановило дискуссию.

Следует заметить, что к началу 1930-х гг., наряду с позициями урбанистов и дезурбанистов, оказалась законодательно отвергнутой и идея города-сада.

Mark G. Meerovich

Doctor of Historical Sciences, Irkutsk National Research Technical University (Russia, Irkutsk)

E-mail: memark@inbox.ru

SOVIET CITY IN A 1929–1930 DISCUSSION: URBANIZATION OR DISURBANIZATION

The article explains reasons behind the start, active expansion and sudden termination by a Resolution of the Central Committee of the Russian Communist Party (the Bolsheviks) of a discussion on the socialist city and the socialist resettlement. It was demonstrated that the architects' — the urbanists and the disurbanists — proposals were very close with regard to the basic concepts of socialist resettlement doctrine, the only difference was the specific model selection. Professional ideas of disurbanization from the point of view of city planners, and the "even distribution of the population across the territory of the country" from the positions of the authorities' organizational and management strategy proved to be entirely different phenomena, same as the urbanists' appeals to "create groups for communization of everyday needs servicing" on the one hand, and the strategic orientation of the authorities on the formation of "labor-household" collectives in order to create mutual incentives among its members for a responsible performance at their work places, on the other. The ideas of the architects and the authorities differed dramatically they attributed different meaning to the same words. A conclusion was made that the public discussion on socialist resettlement was terminated because it proved to be destructive with regard to the already made by the Communist Party and the State decisions, and as such detrimental for the implementation of the resettlement and architectural and city-planning policy which at that time was already consistently and steadily implemented in the context of the defense industry building i.e. the Soviet industrialization program. There was already nothing to discuss, it was time to fulfill the instructions, orders, and resolutions given by the central authorities.

Keywords: *socialist city, socialist resettlement, urbanists, disurbanist, industrialization, urban policy*

REFERENCES

- Borovoy A. A. *Planirovka gorodov Moskovskoy oblasti. Raboty sektora planirovki Moskovskogo oblastnogo proektnogo tresta za 1925–1933 gg.* [Planning of the cities of the Moscow region. Works of sector of planning of the Moscow regional project trust for 1925–1933]. Moscow: Gosstroyizdat Publ., 1933. 224 p. (in Russ.).
- Ginzburg M. *Sotsialisticheskaya rekonstruktsiya sushchestvuyushchikh gorodov* [Socialist reconstruction of the existing cities]. *Revolyutsiya i kultura* [Revolution and culture], 1930, no. 1, pp. 50–53. (in Russ.).
- K probleme planirovki sotsgoroda. Referirovannaya stenogramma* [To a problem of planning of a socialist city. The reviewed shorthand report]. *Vestnik Kommunisticheskoy Akademii* [Bulletin of Communistic Academy], 1930, no. 42, pp. 110–111. (in Russ.).

- Kak lomali NEP* [As broke the New Economic Policy]. Vol. 5. Moscow: MFD Publ., 2000. 703 p. (in Russ.).
- Khan-Magomedov S. O. *Arkhitektura sovetskogo avangarda. Kn. 2: Sotsialnye problem* [Architecture of the Soviet avant-garde. Book 2: Social problems]. Moscow: Stroyizdat Publ., 2001. 712 p. (in Russ.).
- Khazanova V. Ye. *Sovetskaya arkhitektura pervoy pjatiletki* [Soviet architecture of the first five-year plan]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 374 p. (in Russ.).
- Kolychev A. *Gorod proshlogo i budushchego* [City of the past and future]. *Sovetskoe stroitelstvo* [Soviet construction], 1928, no. 10 (27), pp. 38–44. (in Russ.).
- Kozhanyy P. *Preniya po dokladu M. Okhitovicha «Sotsialisticheskiy sposob rasseleniya i sotsialisticheskiy tip zhilya»* [Debate on M. Okhitovich's report "Socialist way of resettlement and socialist type of dwelling"] // *Vestnik Kommunisticheskoy akademii* [Bulletin of Communistic Academy], 1929, no. 35/36, pp. 338–344. (in Russ.).
- Meerovich M. G. *Gradostroitelnoe normirovanie na perepute (Instruktsiya NKVD № 184 ot 28 maya 1928 g. — klyuchevoy dokument gradostroitel'nogo proektirovaniya sotsgorodov)* [City-planning rationing at the crossroads (The instruction of People's Commissariat of Internal Affairs No. 184 of May 28, 1928 — the key document of city-planning design of socialist city)]. *Gradostroitelnoe iskusstvo: Nove materialy i issledovaniya. Vyp. 2 Pamyati Andrey Vladimirovicha Bunina* [City-planning art: New materials and researches. Issue 2 Memories of Andrey Vladimirovich Bunin]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2010, pp. 371–378. (in Russ.).
- Meerovich M. G. *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyudmi (1917–1937 gg.)* [Punishment by the dwelling: housing policy in the USSR as means of controlling people (1917–1937)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008. 303 p. (in Russ.).
- Milyutin N. *K probleme sotsgoroda* [To a problem of a socialist city]. *Vestnik Kommunisticheskoy Akademii* [Bulletin of Communistic Academy], 1930, no. 42, pp. 109–147. (in Russ.).
- Mordvinov A. *Stroitelstvo novykh gorodov* [Construction of the new cities]. *Literatura i iskusstvo* [Literature and art], 1930, no. 1, pp. 139–149. (in Russ.).
- Okhitovich M. *K probleme goroda* [To a city problem]. *Sovremennaya arkhitektura* [Modern architecture], 1929, no. 4, pp. 130–134. (in Russ.).
- Okhitovich M. *Sotsialisticheskiy sposob rasseleniya i sotsialisticheskiy tip zhilya* [Socialist way of resettlement and socialist type of dwelling]. *Vestnik Kommunisticheskoy akademii* [Bulletin of Communistic Academy], 1929, no. 35/36, pp. 334–338. (in Russ.).
- Puzis G. *O novom sposobe rasseleniya* [About a new way of resettlement]. *Revolutsiya i kultura* [Revolution and culture], 1930, no. 7, pp. 46–53. (in Russ.).
- Sabsovich L. M. *Goroda budushchego i organizatsiya sotsialisticheskogo byta* [Cities of the future and organization of socialist life]. Moscow: Gosud. Tekhnich. Publ., 1929. 64 p. (in Russ.).
- Sabsovich L. M. *Novye puti v stroitelstve gorodov* [New ways in a city building]. *Stroitelstvo Moskvy* [Construction of Moscow], 1930, no. 1, pp. 3–5. (in Russ.).
- Sabsovich L. M. *SSSR cherez 15 let. Gipoteza general'nogo plana postroeniya sotsializma v SSSR* [The USSR 15 years later. A hypothesis of the master plan of creation of socialism in the USSR]. Moscow, 1929. 191 p. (in Russ.).
- Svetlov F., Gornyy S. *Sotsialisticheskiy gorod v besklassovom obshchestve* [The socialist city in classless society]. *Planovoe khozyaystvo* [Planned economy], 1934, no. 2, pp. 153–172. (in Russ.).